

ДЖОН ДУГЛАС
И МАРК ОЛШЕЙКЕР

ПРОТОТИП ГЕРОЯ СЕРИАЛА
MINDHUNTER

**ПОЧЕМУ
ОНИ
УБИВАЮТ?**

КАК ФБР ВЫЧИСЛЯЕТ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

Джон Дуглас
Марк Олшейкер
Почему они убивают. Как ФБР
вычисляет серийных убийц
Серия «Портрет психопата.
Профайлер о серийных убийцах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67751031

Почему они убивают. Как ФБР вычисляет серийных убийц; Эксмо;

Москва ; 2022

ISBN 978-5-04-170048-5

Аннотация

Легендарный профайлер ФБР и прототип Джека Кроуфорда из знаменитого «Молчания ягнят» Джон Дуглас исследует исток всех преступлений: мотив убийцы.

Почему преступник убивает? Какие мотивы им движут? Обида? Мечь? Вожделение? Жажда признания и славы? Один из родоначальников криминального профайлинга, знаменитый спецагент ФБР Джон Дуглас считает этот вопрос ключевым в понимании личности убийцы – и, соответственно, его поимке. Ответив на вопрос «Почему?», можно ответить на вопрос «Кто?» – и решить загадку.

Исследуя разные мотивы и методы преступлений, Джон Дуглас рассказывает о самых распространенных типах серийных и массовых убийц. Он выделяет общие элементы в их биографиях и показывает, как эти знания могут применяться к другим видам преступлений. На примере захватывающих историй – дела Харви Ли Освальда, Унабомбера, убийства Джанни Версаче и многих других – легендарный «Охотник за разумом» погружает нас в разум насильников, отравителей, террористов, поджигателей и ассасинов. Он наглядно объясняет, почему люди идут на те или иные преступления, и учит распознавать потенциальных убийц, пока еще не стало слишком поздно...

«Джон Дуглас – блестящий специалист... Он знает о серийных убийцах больше, чем кто-либо еще во всем мире». – Джонатан Демм, режиссер фильма «Молчание ягнят»

«Информативная и провокационная книга, от которой невозможно оторваться... Дуглас выступает за внимание и наблюдательность, исследует криминальную мотивацию и дает ценные уроки того, как быть начеку и уберечься от маловероятных, но все равно смертельных угроз современного общества». – Kirkus Review

«Потрясающая книга, полностью обоснованная научно и изобилующая информацией... Поклонники детективов и триллеров, также те, кому интересно проникнуть в криминальный ум, найдут ее точные наблюдения и поразительные выводы идеальным чтением». – Biography Magazine

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пролог. Данблейн	7
Глава 1. Чему я научился у плохих парней	19
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Джон Дуглас,
Марк Олшейкер
Почему они убивают.
Как ФБР вычисляет
серийных убийц**

John Douglas, Mark Olshaker

The Anatomy of Motive: The FBI's Legendary Mindhunter
Explores the Key to Understanding and Catching Violent
Criminals

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается Долорес Дуглас, Тельме Олшейкер
и Молли Клементе, с любовью*

*Главным признаком эпохи стало то, что разум
осознал сам себя...*

Люди рождались с ножами в мозгу,

со склонностью к интроверсии, самокопанию, анатомированию мотивов.

Ральф Уолдо Эмерсон, «Жизнь и письма из Новой Англии»

Пролог. Данблейн

Почему он это сделал?

Я был в Шотландии, когда услышал про стрельбу в школе. Сегодня среда, 13 марта 1996 года, и я нахожусь в телевизионной студии в Глазго – участвую в рекламном туре со своей книгой «Охотник за разумом», по приглашению нашего британского издателя. Целый час мне задают вопросы о профилировании в криминологии ведущие программы «Сегодня утром» на канале ITV, очаровательные Ричард Мэдли и Джуди Финнеган. С чего мы начинали? – спрашивают они. Как я научился тому, что знаю, и у кого? Как пришел мой Отдел поддержки расследований в Куантико, Виргиния, к разработке и использованию профилей неизвестных субъектов, или НС, как их принято называть в ФБР и правоохранительных органах? На всем протяжении тура меня поражает интерес британцев к моей карьере: розыску и изучению убийц, насильников, террористов – людей, чьи жестокие преступления выходят за грань человеческого воображения. К счастью для жителей Великобритании, их обществу не присуща такая жестокость, как нашему, в США; однако интерес, который они проявляют, мне понятен. Первый в истории серийный убийца – Джек-потрошитель – терроризировал лондонский Ист-Энд более века назад, но его загадка так и осталась неразгаданной. Меня регулярно спрашивают, можно ли сей-

час составить профиль убийцы, вычислить его личность и закрыть это дело. Я отвечаю, что указать на конкретного человека спустя такое количество времени не получится, но даже через столетие мы можем составить достоверный профиль субъекта и с высокой степенью уверенности определить, *каким человеком* он был. На самом деле, говорю я им, я уже неоднократно составлял профиль Джека-потрошителя – и на практических занятиях в Куантико, и на телешоу с Питером Устиновым несколько лет назад.

Я сижу в зале отдыха телеканала, когда туда входит продюсер. Наверное, она пришла поблагодарить меня за участие; но нет, лицо у нее мрачное, а голос напряженный.

– Джон, вы можете вернуться в студию?

Я только что провел там целый час – что еще могло им понадобиться?

– А зачем? – спрашиваю я. – Что случилось?

– В Данблейне произошло ужасное убийство.

Я никогда раньше не слышал об этом месте. Оказывается, Данблейн – это тихая деревушка с 7300 жителями на полпути от Глазго до Эдинбурга, основанная еще в Средневековье. И у меня всего пять минут до возвращения в студию, за которые я должен изучить телеграфное сообщение, которое продюсер мне передала.

Там говорится, что в начальной школе Данблейна произошло массовое убийство детей. Сведения обрывочные, почти без подробностей: человек с оружием проник в школу при-

мерно полдесятого утра и начал расстреливать детей от четырех до шести лет на площадке. Выстрелов было много, совершенно точно убито несколько детей. Многие ранены, учительница – смертельно. Репортеры пока не знают имени или возраста убийцы, но у него с собой было несколько видов оружия – причем все крупнокалиберное, военного образца.

Судя по этим данным, там произошло нечто страшное. Будучи отцом троих детей – даже несмотря на свою работу, – я не могу не содрогнуться при мысли о том, как в малышней стреляли на площадке перед их собственной школой.

Пока что это вся информация, и мы возвращаемся в студию, по-прежнему в шоке от новостей. Эфир начинается с сообщения о стрельбе, после чего Ричард Мэдли разворачивается ко мне и спрашивает:

– Итак, Джон, что же у нас тут?

– Для начала: мы имеем дело с массовым убийцей, – отвечаю я, после чего объясняю, чем массовый убийца отличается от серийного или цепного. Серийный убийца охотится на людей ради сексуального возбуждения, которое испытывает в процессе, и будет делать это снова и снова, считая, что может перехитрить полицию и его никогда не поймают. Цепной, или «запойный», убийца убивает большое количество жертв в разных местах за короткий период времени – несколько часов или дней. Массовый убийца играет на поражение. Вступив на этот путь, он не рассчитывает остаться в живых. Он либо совершает самоубийство после того, как

«заявит о себе», либо идет на так называемое самоубийство руками полицейского, то есть провоцирует ситуацию, в которой полиция или бойцы спецподразделения вынуждены открыть огонь. Я высказываю предположение, что из дальнейших сообщений мы узнаем о гибели преступника. Такие убийцы настолько неадекватны, что не могут допустить, чтобы другие взяли над ними контроль или предали правосудию.

– Но что за человек мог пойти на такое? – спрашивает Джуди Финнеган, искренне потрясенная.

– Что ж, – отвечаю я, – первое, что нам требуется понять, – это мотив, а ключом к нему является виктимология.

– Кого он избрал своими жертвами и почему? Выбор был случайным или тщательно продуманным?

– Обычно массовые убийцы – мужчины, белые, в возрасте примерно от тридцати пяти до сорока пяти лет. В вашей стране чернокожего населения меньше, поэтому кандидатура белого мужчины еще более вероятна. Однако даже у нас, где чернокожих больше, это все равно будет белый мужчина, асоциальный одиночка. Наверняка так и окажется в вашем случае.

Подобные вещи не происходят в вакууме. Я знаю, что хотя на данный момент у нас нет никаких подробностей, очень скоро мы сможем сформировать некоторый паттерн, и уже сейчас могу его отчасти предсказать. Личность преступника, заявляю я, не станет сюрпризом для остальных жителей де-

ревни. Это человек, который уже ввязывался в неприятности. А поскольку своей мишенью он выбрал школу, проблема заключается в детях, самой школе или в родителях. Связь наверняка есть.

– В подобных делах, – говорю я, – обычно имеется причина; он выбрал школьников потому, что его жизнь как-то связана с ними. И место он выбрал то, где чувствует себя уверенно.

Бывает, что дети становятся жертвами массовых убийств, но обычно это происходит случайно (например, при стрельбе в ресторане быстрого питания) или когда они являются членами семьи, на которую нападает преступник. Тогда речь о другом типе преступления, и тот, кто его совершает, демонстрирует другой поведенческий паттерн. Перед преступлением эти люди становятся очень раздражительными и очень злыми. Преступник из Данблейна наверняка писал жалобы – директору или завучу школы, в местные газеты или властям. Людям вроде него проще общаться письменно – поэтому они ведут дневники, куда выливают свою злобу и где описывают, что их раздражает. Когда они понимают, что этого недостаточно, происходит эскалация – они адресуют свои жалобы на высший уровень. В США они могут писать президенту. В Британии – королеве или премьер-министру. Они доходят в жизни до той точки, когда решают, что никто не обращает на них внимания. Тогда и происходит преступление.

Я говорю телеведущим, что стрельба в Данблейне кажется мне своего рода мстью. Поскольку жертвы – совсем маленькие дети, это, видимо, расплата за некоторую несправедливость – реальную или воображаемую – в адрес убийцы. Дети слишком малы, чтобы убийца считал их виновными в собственных бедах. Учительница тоже не является для него главной мишенью, иначе он просто застрелил бы ее и сбежал. Скорее всего, она защищала детей, и он устранил ее, чтобы добраться до них. На мой взгляд, его целью является невинность как таковая – он словно решил отобрать самое ценное либо у родителей, либо у руководства школы, либо у тех и других.

Наверняка он одинок, утверждаю я, и не имеет никаких значимых отношений с женщинами своей возрастной группы. Он работает с детьми – как учитель или, что более вероятно, скаутский вожатый или волонтер. Это единственная разновидность сексуализированных отношений, в которых ему комфортно; он не доверяет своим ровесникам, а они ему. Он может быть гомосексуалом и предпочитать мальчиков девочкам, но не обязательно, поскольку жертвы еще не достигли полового созревания. Но родители или учителя уже подозревали его, причем настолько, что лишили возможности контактировать с детьми. Он счел это несправедливым и оскорбился – в конце концов, он только хочет дарить им свою любовь и внимание. Об этом и говорится в его письмах: он жалуется, что его репутацию очернили.

Никто его не слушает, и он понимает, что его жизнь больше не имеет никакой ценности. Если этих драгоценных невинных детей отобрали у него, он отберет их у тех, кто причинил ему такую боль. Это его ровесники – и он их накажет. Не важно, являлись ли те самые дети, которые пришли утром в начальную школу Данблейна, его бывшими подопечными – он обвиняет всех жителей, все свое поколение. Родители и школьное руководство ему не доверяют, и он обрушивает на них свой гнев. Это отмщение. Мы классифицируем такие преступления как убийство по личным мотивам. Скорее всего, имелся и конкретный стрессор, который заставил его на это пойти.

Этот человек никогда не вписывался в общество. Про серийных убийц, когда их ловят, соседи, знакомые и коллеги обычно говорят, изумляясь, что это последний человек, кого они бы заподозрили, – он был такой приятный или казался совсем обычным. И прекрасно ладил со своей девушкой или женой.

Соседи, знакомые и коллеги серийных убийц часто говорят, что это последний человек, кого они бы заподозрили. Массовый убийца другой: окружающие считают его странным и нелюдимым, в его обществе им находиться неприятно.

Соседи, знакомые и коллеги серийных убийц часто говорят, что это последний человек, кого они бы заподозрили. Массовый убийца другой: окружающие считают его странным и

нелюдимым, в его обществе им находиться неприятно.

Но не этот парень. Массовые убийцы сильно отличаются от серийных. Окружающие считали его странным и нелюдимым. Им было неприятно находиться в его обществе, хоть они и не демонстрировали этого открыто. В США я не придал бы большого значения выбору оружия. У нас его легко достать, поэтому убийца мог быть как фанатом оружия, так и простым человеком, который его раздобыл только ради этой цели. Однако в Британии ружья и винтовки находятся под строгим контролем. Если он не военный и не полицейский, то должен являться членом стрелкового клуба, чтобы иметь к оружию доступ. А с учетом его «странностей», такое увлечение само по себе должно было стать тревожным звоночком. Этот человек был, как паровой котел, готов взорваться – а теперь за это расплачиваются невинные дети.

К моменту, когда появилась окончательная информация, я уже покинул Шотландию.

Шестнадцать детей в возрасте от четырех до шести лет погибли тем утром – пятнадцать на месте и один в госпитале. Умерла и их учительница, сорокапятилетняя Гвен Мэйр, которая отважно пыталась остановить преступника у входа в школу и проводила для детей урок физкультуры в зале – а не на площадке, как предполагалось ранее. Еще двенадцать детей получили ранения. Один остался цел, двое дру-

гих, по счастью, пропустили уроки из-за болезни. Убийца попытался войти в школу в момент, когда в зале проходила общая переключка, и там находилось несколько сотен учеников, но один из школьников дал ему неверную информацию относительно расписания; поэтому, когда он пришел, в зале тренировался только один класс. У него было с собой четыре пистолета: два револьвера и два девятимиллиметровых полуавтоматических. Директор Рональд Тейлор вызывал спасателей и следил за тем, чтобы остальные семьсот учеников школы сохраняли спокойствие после того, как в зале прогремели выстрелы. Бойня продолжалась в общей сложности три минуты.

Стрелок, Томас Уотт Гамильтон, сорока трех лет, белый, холостой, был некогда вожатым скаутов, и про него поговаривали, что он равнодушен к маленьким мальчикам и сильно возмущается общественным отторжением. Вожатым он стал в июле 1973-го, но на него поступали жалобы, и в марте следующего года его попросили уйти. Последующие попытки восстановиться в должности оказались безуспешными. Кроме мальчиков его очень интересовало оружие. Он был членом местного стрелкового клуба и имел необходимое разрешение на стрельбу в его специализированных помещениях.

Соседи описывали высокого, лысеющего Гамильтона как отшельника и чудака. Многие сравнивали его с мистером Споком из «Звездного пути» и считали странным. По их сло-

вам, он всегда ходил в белой рубашке и ветровке, с наброшенным на голову капюшоном, чтобы скрыть лысину. Когда-то у него был магазин хозяйственных товаров под названием «Все из дерева», потом он стал профессиональным фотографом. Две соседки утверждали, что стены его домика с двумя спальнями в Брахеде близ Стерлинга увешаны цветными фотографиями полураздетых мальчишек.

Не сумев вернуться в скаутское движение, Гамильтон организовал собственный военизированный клуб, «Стерлинг Роверс», и вывозил группы мальчиков от восьми до двенадцати лет в короткие походы, во время которых много их фотографировал, снимал любительские фильмы, а впоследствии видео. Одна из двух соседок как-то получила приглашение посмотреть с ним такой фильм – там мальчишки резвились на берегу речки в купальных костюмах. Между 1993 и 1994 годами полиция получила от скаутской организации предупреждение насчет Гамильтона – его видели в районе красных фонарей для гомосексуалов. Примерно в то же время он рассылал письма родителям из Данблейна, опровергая слухи о том, что растлевает малолетних мальчиков. За несколько недель до стрельбы ему отказали в приеме на работу волонтером в начальную школу Данблейна. Он писал жалобы в прессу, где возмущался, что полиция и учителя распространяют о нем ложные слухи, а также обращался к королеве с письмом, в котором утверждал, что скауты подорвали его репутацию.

Составленный мной профиль наделал немало шума. В нескольких шотландских газетах появились статьи с названиями вроде «Спецагент открывает тайну маньяка» или «Эксперт предлагает обучать полицейских распознаванию потенциальных убийц».

Но как же я смог это сделать? Как смог описать человека, о котором не знал ничего, кроме его последнего в жизни поступка, за тысячи километров от тех мест, где живу и работаю? Может, у меня особый дар проникать в головы преступников? Хотелось бы – но такого дара у меня нет и никогда не было. Просто я два десятка лет проработал в ФБР с экспертами – убийцами и жестокими правонарушителями, – разыскивая и профилируя их. И кое-чему научился.

Дело в том, что поведение отражает личность. Если бы вы изучали эту часть населения так же пристально, как я, вы поняли бы, что хотя каждое преступление уникально, поведение укладывается в определенные паттерны. Почему неудивительно, что такой человек, как Томас Уотт Гамильтон, стал массовым убийцей детей, но крайне маловероятно, чтобы он превратился, скажем, в серийного убийцу или террориста – хотя в этих категориях тоже обычно действуют асоциальные одиночки?

Если вы повидали достаточно паттернов в действии и выделили их основные характеристики, то можете понять, что произошло, и – еще важнее – ответить на вопрос: *Почему?* А он, в свою очередь, ведет к главному ответу: *Кто?* Имен-

но это стремится выяснить любой детектив или агент ФБР. Именно это хотят знать все писатели и читатели. Почему люди совершают те преступления, которые совершают, и именно таким способом?

Похоже на загадку из гангстерских фильмов 1930-х, не правда ли: почему один человек становится преступником, а другой – священником? Или, как задал бы вопрос я: почему один становится серийным убийцей, другой насильником, третий ассасином, четвертый террористом, пятый отравителем, а шестой – растлителем малолетних? А внутри этих категорий – почему каждый совершает преступления именно этим конкретным путем? Ответ лежит в одном фундаментальном вопросе, который относится к ним всем:

Почему он это сделал?

Кто? – вытекает непосредственно отсюда.

И эту загадку нам предстоит разгадать.

Глава 1. Чему я научился у плохих парней

Кто это сделал? И почему? Вот что мы все хотим знать.

Давайте рассмотрим два относительно простых, очевидных преступления. С виду они вроде бы одинаковые, но на самом деле сильно различаются. Они были совершены по близости друг от друга, и я стал жертвой одного из них.

Дело было вскоре после моей отставки из ФБР, когда мы решили отремонтировать дом. Мы практически превратились в кочевников и неделями спали прямо на полу. Я шутил, обращаясь к жене и детям, что теперь представляю себе, как жила «Семья» Чарли Мэнсона. Большую часть мебели и остальных вещей пришлось отправить на хранение в гараж. Наконец, когда настало время перестилать полы, мы съехали в ближайший мотель.

Ночью в ФБР поступил звонок из местного отделения полиции: они разыскивали специального агента Джона Дугласа. Когда их связали со мной, трубку взял детектив. Он сказал:

– У одного из подозреваемых были обнаружены кое-какие ваши вещи.

– Какие именно? О чем вообще идет речь? – спросил я.

– Полного списка у нас пока нет. Но мы нашли деревянную коробку с эмблемой ФБР на крышке, – ответил он.

– Да, это моя, – подтвердил я. В коробке хранился «Смит-Вессон Магнум» 357-го калибра с выгравированным на нем моим личным номером – это был подарок на пятидесятилетие, который традиционно получают офицеры ФБР, имеющие разрешение на ношение оружия. Такие револьверы есть у многих специальных агентов.

– А оружие на месте? – встревожившись, спросил я.

– Нет, – ответил он. – Револьвера нет.

«Вот черт!» – подумал я. Хотя оружие и было подарочным, стреляло оно отлично. Читавшие «Охотника за разумом», наверное, помнят историю о том, как я начинал карьеру в Бюро полевым агентом в Детройте и потерял свой «Смит-Вессон 10»: его украли из бардачка моего «Фольксвагена Жук». Это было едва ли не самое худшее, что могло случиться с агентом, во времена правления Дж. Эдгара Гувера. И вот теперь я, с почетом выйдя в отставку после двадцатипятилетней службы, опять поневоле снабдил оружием врага!

Я и не знал, что у нас что-то пропало! Мне назвали имена подозреваемых, и два из них оказались мне знакомы: это были сыновья-подростки одного из мужчин, работавших у нас в доме. Об одном я мало что знал, а второму недавно исполнилось девятнадцать лет, он учился на первом курсе колледжа и занимался спортом. Я был удивлен, разочарован

и очень зол.

Полицейские попросили меня поехать домой и составить список украденного. Кроме револьвера пропали телевизор, стереосистема и тому подобные вещи. Хотя подозреваемых пока не поймали, уже по тому, что они взяли, становилось ясно, что это простые любители. Преступление было не первое, и полиция вычислила виновников. Жертвы грабителей оказались знакомы между собой.

Подростки крали из тех домов, в которых бывали и где чувствовали себя уверенно. Когда полиция получила ордер на обыск в их квартире, там обнаружилась большая часть украденных вещей.

Мотив: им хотелось обставить свою квартиру.

Как я уже говорил, я был зол, но куда меньше, чем отец девятнадцатилетнего грабителя. Тот едва не разорвал сына на части:

– Ты с ума сошел! Этот парень не только мой клиент, он еще агент ФБР! У него лицензия на ношение оружия, и он знает, как им пользоваться. Что, если бы в ту ночь он пришел домой и застрелил тебя! Ты же мог погибнуть!

– Об этом я не подумал, – с глуповатым видом ответил парень. Заводилой оказался старший из троих, а этот, похоже, просто поддался его влиянию.

На допросе в полиции он клялся, что они, завладев моим револьвером, так перепугались, что бросили его в реку. Остальные вещи мне вернули. Парень признал себя винов-

ным, компенсировал ущерб и, думаю, отец хорошенько выбил из него дурь.

С точки зрения криминалиста-профайлера, то есть моей, при расследовании краж со взломом первое, на что следует обращать внимания – как и сделали полицейские, – это характер украденного.

Если пропали обычные вещи – наличные, кредитные карты и украшения либо телевизор, музыкальный центр или видеоаппаратура, – то речь о самой обыкновенной краже, и единственное, что тут можно сделать, это установить степень опытности и изощренности воров, основываясь на выборе жертвы и количестве добычи. Если не поймать их на месте, придется ждать, пока не возникнет связи с другими кражами – как в моем случае.

А теперь сравним это преступление с другим – тоже кражей, – которое произошло в нескольких милях от меня.

Женщина заявила, что в ее квартиру вломились, и когда полиция спросила, что у нее украли, она ответила, что пропала часть ее нижнего белья. Незадолго до этого в том же жилищном комплексе, окруженном садом, другие женщины жаловались на то, что некий вуайерист подглядывает за ними в окна. В одном случае полицейские взялись за расследование и нашли улики, подтверждающие, что под окном кто-то мастурбировал.

Два эпизода кражи со взломом. Первый преступник (в данном случае преступники) взял револьвер и ценные ве-

щи. Второй – нет. И хотя оба случая вызывают возмущение, большинство из нас инстинктивно понимает, что второй – более опасный. Но как мы приходим к этому выводу?

Фетишистов полиция часто упускает из виду, считая просто нарушителями порядка, а они зачастую отнюдь не таковы. Вор-фетишист не прекратит свои действия сам по себе.

Все дело в мотиве. И как же по мотиву – не зная ни личность преступника, ни особенности его характера – мы решаем, что он представляет наибольшую угрозу? Просто мы по опыту уже знакомы с подобным типом правонарушителей. Вор – тот, кто крадет чужую собственность ради обогащения или, как в нашем случае, просто потому, что хочет иметь то, что есть у других, – может либо продолжить свой криминальный путь, либо остановиться. Думаю, тот парень как раз остановился. Он узнал, что бывает, если тебя поймут, и совершенно точно не хотел, чтобы его жизнь приняла подобный оборот.

С другой стороны, воров трусиков – или фетишистов – полиция часто упускает из виду, считая просто нарушителями порядка, а они зачастую отнюдь не таковы. Этот второй парень украл женское белье не для того, чтобы продать, и не потому, что не мог обзавестись собственным. Его мотив явно был связан с эротическими фантазиями и имел выраженный сексуальный подтекст. И если учесть, что с этой кражей парень перешел из «младшей школы» – вуайеризма –

в «старшую» – к кражам со взломом, которые влекут за собой куда больший риск, то у нас есть все основания предполагать, что на этом он не остановится. Вор-фетишист не прекратит свои действия сам по себе.

Иногда почти одинаковые преступления, такие как кражи, являются результатами совершенно различных мотиваций у людей, совершающих их. Дифференциация мотиваций – это ключ к пониманию личности преступника и оценки его опасности для общества. Возьмем дело одного грабителя, с которым я столкнулся, работая в ФБР. Назовем его Дуайт. В шестнадцать лет его точно так же арестовали за воровство; мотивом была жажда наживы. Дальше Дуайт был арестован за вооруженное нападение. Собственно говоря, впервые он попал в полицию в десять лет, за проникновение в чужое жилье. К четырнадцати годам у него имелись также обвинения за кражи со взломом, несколько нападений с отягчающими обстоятельствами и угоны машин. Свой первый автомобиль он угнал, когда у него не было даже ученических прав, не говоря о полноценных. Его отправили в исправительное учреждение, где его сочли крайне проблемным. Психологи и консультанты описывали его как враждебного, агрессивного, импульсивного, лишенного самоконтроля и каких-либо угрызений совести подростка. Он всегда обвинял других в своих прегрешениях. Не отрицал, что употребляет алкоголь и марихуану. Его быстро записали в асоциальные элементы.

В то время как «мой» грабитель происходил из полной семьи, с матерью и отцом, которые пришли в ужас, узнав о преступлении сына, и приложили все усилия, чтобы вернуть его на правильный путь, у Дуайта в семье царила полная неразбериха. Мать отдала его своим родителям, которые формально усыновили внука, когда ему исполнилось год и два месяца. Второго сына мать оставила себе, по какой-то причине отказавшись от Дуайта. Дед его служил в ВВС, поэтому они много переезжали, но когда Дуайту исполнилось девять лет, приемные родители развелись, и он остался с бабушкой, то есть без мужского примера для подражания.

В школе он постоянно попадал в неприятности, несколько раз его временно исключали. К сожалению, время подтвердило печальные прогнозы, которые делались на его счет с ранних лет: после многочисленных нарушений закона он получил, в конце концов, смертный приговор за страшное изнасилование и убийство.

Одинаковые кражи, но насколько разные преступники! Один украл потому, что это показалось ему легким, и он особо не задумывался. Второй – потому что жизни других людей не имели для него значения.

* * *

Где-то в начале 1978 года мне пришла в голову мысль, что для того чтобы понять, что произошло на месте преступле-

ния, будет неплохо разобраться, что творилось в голове главного действующего лица этой драмы – правонарушителя. А единственный способ это узнать, чтобы применять полученные данные при расследовании других преступлений, – спросить его самого. Удивительно: хотя в криминологии ведется масса исследований, никто этим раньше не занимался, разве что самым случайным и легкомысленным образом.

Мне было тридцать два, и я служил инструктором в Отделе бихейвиористики Академии ФБР, после того как вернулся в Куантико, поработав полевым агентом в Детройте и Милуоки. Я преподавал прикладную криминалистическую психологию как новобранцам, так и членам Национальной академии. Новички не представляли для меня проблемы: они были моложе и знали меньше, чем я. А вот с офицерами было по-другому. Они являлись высокопоставленными служащими, опытными следователями из разных штатов и даже из других стран, которых отправляли в Куантико на продвинутый курс обучения. Я совру, если скажу, что меня не смущала перспектива выступить перед авторитетами из ФБР, стоять перед умудренными опытом мужчинами и женщинами, которые проработали гораздо дольше меня и раскрыли больше преступлений. На всякий случай, прежде чем заговорить о каком-либо деле, я спрашивал аудиторию, не расследовал ли его кто-то из присутствующих. Если такой находился, я просил его еще раз изложить факты, чтобы не попасть в неловкую ситуацию.

Вопрос заключался в следующем: что нового я могу сказать этим людям, которые и так все знают?

Во-первых, подумал я, если дать им представление о внутренних процессах, о логике преступников, о том, *как* они решают совершить преступление и *почему* выбирают именно такой его тип – *откуда* произрастает их мотив, – то мы предоставим нашим следователям ценный инструмент, способный помочь в поисках ответа на главный вопрос: *кто*?
Формула проста: *почему + как = кто*.

Как? Почему? Где? Кто? Этими вопросами задавались писатели и психиатры, включая Достоевского и Фрейда, в их «Преступлении и наказании» и «По ту сторону принципа удовольствия». Ими занимаются философы и теологи, социальные работники при рассмотрении дел и судьи при вынесении приговора. Фактически они составляют центральное ядро того, что мы называем, за неимением лучшего определения, человеческим существованием.

Но мы с вами подойдем к этим вопросам с другой точки зрения, а именно, как они могут быть *полезны* в правоохранительной сфере и расследовании преступлений. Технически прокурору не обязательно предоставлять мотив, чтобы добиться приговора, если у него есть убедительные доказательства вины. Но на практике большинство прокуроров вам скажет, что если не предложить присяжным логического мотива, те не вынесут необходимый вердикт – например, признают преднамеренное убийство непреднамеренным.

Прикладная криминалистическая психология вся, по сути, сводится к одному ключевому вопросу: почему преступник совершает преступление именно таким, а не другим, способом?

И эту загадку я собирался разрешить.

В то время я проводил так называемые полевые школы, в паре с Робертом Ресслером, более опытным инструктором, который до перехода в ФБР служил в военной полиции. Наши полевые школы были именно такими, как вы себе представили: инструкторы из Куантико ездили по стране и проводили для полицейских на местах и шерифских офисов сокращенную недельную версию курса, который преподавался в академии. В выходные мы отдыхали, а на следующей неделе двигались дальше. Бывало, что мы даже не заезжали домой, и так и возили за собой чемоданы с нестираной одеждой.

Постоянные перемещения давали мне прекрасную возможность попытаться реализовать свою идею – побеседовать с опасными преступниками, сидящими в разных тюрьмах. Куда бы я ни ехал, я выяснял, какая там поблизости государственная или федеральная тюрьма и не сидит ли там кто-то, представляющий для нас интерес. За несколько лет мы с напарниками опросили более пятидесяти преступников, совершивших тяжкие преступления, в разных американских тюрьмах и исправительных учреждениях, включая тридцать шесть убийц на сексуальной почве, и включили эти

данные в исследование, проведенное под эгидой Национального института юстиции и опубликованное в 1988 году в виде книги «Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы». Соавтором этого исследования выступала доктор Энн Берджесс, профессор психиатрии в Университете Пенсильвании, которая работала с нами практически с самого начала, помогая сортировать и анализировать огромные объемы информации, которую мы собрали. Энн также разработала параметры и стандарты, которые помогли нам превратить наши разрозненные записки о проникновении в самые темные уголки человеческой души в полезный научный труд.

Во время интервью мы не делали записей, поэтому, едва выбравшись из тюрьмы, скорее кидались в отель, чтобы зафиксировать данные и заполнить пробелы в опроснике. Часть его мы заполняли заранее, изучая материалы дела и личные характеристики преступника. Но ключевые детали – те, которые имели для нас значение, – надо было узнавать у него непосредственно.

Поначалу я просто пытался добиться, чтобы эти люди говорили со мной, и задавал им вопросы, которые, как я надеялся, помогут больше узнать о прикладной криминалистической психологии – не в академическом смысле, а так, чтобы помогать нам в расследовании реальных преступлений.

Даже сейчас, много лет спустя, я поражаюсь тому, сколько закоренелых преступников (в большинстве своем они отбывали огромные сроки, и им нечего было терять) не толь-

ко соглашались с нами говорить, но и охотно рассказывали о своей личной жизни, взрослении и процессе превращения в асоциальную личность. Почему они не отказывались от беседы? Думаю, причин было несколько, в зависимости от индивидуальных особенностей: любопытство, скука, угрызения совести или возможность заново пережить свои страшные деяния, которые для многих являлись самыми грандиозными моментами в их жизни. Я объяснял это тем, что мы обращаемся к эго людей, которые и так руководствуются им в первую очередь; у них есть масса свободного времени, и мало кто проявляет интерес к их «подвигам», особенно во внешнем мире.

Не все подходили для того, чтобы участвовать в подобных исследованиях. Даже обсуждая подробности самых отвратительных преступлений, нельзя было показать своего гнева или осуждения, иначе ты ничего бы не узнал. Надо было уметь слушать и быть хорошим актером – то есть играть в их игру.

Что касается вопроса о том, почему так много преступников соглашались нам открыться, обнажить свою душу, то, думаю, дело было в глубине и вдумчивости, с которой мы подходили к каждому интервью. Прежде чем попасть в тюрьму за тяжкое преступление, человек неоднократно оказывается в схожей ситуации: его допрашивают детективы, потом с ним говорят адвокаты, перед приговором дает свое заключение психиатр, а в тюрьме он беседует с психологами

и консультантами. Но везде, за исключением первого случая, когда следователи пытаются выявить малейшие несоответствия или ложь, преступник говорит не то, что думает на самом деле, а то, что поможет ему как-нибудь выкрутиться.

Мы же подходили к своей задаче по-другому. Сначала мы подробно изучали материалы дела, чтобы интервьюируемый не мог обмануть нас насчет того, что совершил и каким образом. Помимо подробностей преступления мы исследовали заключение психиатра и оценку служащих тюрьмы, тесты IQ – всю информацию о заключенном. Единственным способом добиться правды от этих людей было сказать в нужный момент: «Минуточку! Как вы можете утверждать, что испытывали к жертве сочувствие и жалость, если вы нанесли ей двадцать семь ножевых ранений, когда она и так уже была мертва?» А чтобы это сказать, надо знать весь ход преступления вдоль и поперек.

Второй фактор, действовавший в нашу пользу, заключался в том, что мы были готовы потратить на интервью сколько угодно времени, чтобы перейти от обычной болтовни, вранья и пустой сентиментальности, которые постепенно утомляли нашего клиента, к серьезному разговору о его движущих мотивах. Иногда он сам охотно их излагал. Иногда нам приходилось догадываться о них по подсказкам, которые он давал нам. Но чем больше мы слушали, тем более целостной становилась картина.

Кто были те люди, которых мы посещали? «Знамени-

тые преступники», вроде Чарльза Мэнсона, а также Сара Джейн Мур и последовательница Мэнсона Линетт (Сквики) Фромм, которые по очереди пытались убить президента Джеральда Форда. Мы говорили с Артуром Бремером, который выслеживал президента Ричарда Никсона с целью его убить, но в конце концов направил свою разрушительную энергию на кандидата в президенты Джорджа Уоллеса в 1972-м, который тогда был губернатором Алабамы – вместо убийства он приговорил его к пожизненному параличу и боли. Мы встречались с Дэвидом Берковицем, «Сыном Сэма» или «Убийцей с 44-м калибром», терроризировавшим Нью-Йорк целый год, пока его не поймали в июле 1977-го. Говорили с Ричардом Спеком, преступником из низов, который попал в заголовки газет в 1966-м, когда расстрелял в общежитии целую группу студенток-медсестер, восемь из которых погибло. Были и другие, не такие известные, но не менее страшные, и они тоже помогли нам понять, как устроена личность человека, главной целью которого в жизни является убивать и причинять страдания другим. Или, как я не раз повторял, *манипулировать, доминировать и контролировать*. Среди них можно перечислить, например, Эда Кемпера – он убил мать, которую ненавидел, в ее собственной постели и отрезал ей голову. Прежде чем набраться храбрости сделать это, он обратил свой гнев на бабушку и деда, а шесть лет спустя напал на шестерых девушек возле студенческого кампуса Калифорнийского универ-

ситета в Санта-Круз. У Джерома Брудоса с детства был фетиш в отношении женской обуви; будучи женатым человеком и отцом двоих детей в Орегоне, он убил четверых женщин и отрезал им ноги и грудь, переодев предварительно в женскую одежду из собственного гардероба. Ричард Маркетт перешел от попыток изнасилования, нападений с отягчающими обстоятельствами и грабежей к убийству и расчленению женщины, с которой познакомился в баре в Портленде, штат Орегон. Выйдя на волю по условно-досрочному освобождению двадцать лет спустя, он убил и расчленил еще двух женщин, после чего снова был схвачен. Какими бы ужасными ни были их преступления, все эти мужчины – они были мужчинами, женщины редко совершают такого рода деяния – могли многому нас научить, если правильно интерпретировать их слова и поступки.

Но одно дело решить, что ты собираешься взять интервью у подобного человека, и совсем другое – встретиться с ним лицом к лицу. Эд Кемпер был двухметровым громилой с весом более ста пятидесяти килограммов. Если бы он захотел – а в какой-то момент он упомянул, что такая мысль его посещала, – то с легкостью мог свернуть мне голову и выставить на стол, как подарок для охраны. Когда мы интервьюировали Артура Бремера в городской тюрьме Балтимора, нам пришлось проходить через внутренний двор, где самые опасные преступники бродили свободно, словно в дантовом аду. Прежде чем нас пускали в подобные исправи-

тельные учреждения, нам приходилось сдать служебное оружие и подписать заявление о том, что тюрьма не несет ответственности за нашу безопасность. Если нас возьмут в заложники, выпутываться придется самим. Как выразился Эд Кемпер, у него уже пожизненный срок, так что ему сделают, если он убьет одного из нас – лишат сладкого? Любое наказание было бы малой ценой за возможность похвастаться перед другими заключенными тем, что ты прикончил агента ФБР.

Поэтому, хоть мы и не знали, что получим от проекта, который запускаем, мы очень хорошо представляли себе, во что ввязываемся. Мы совершенствовали и уточняли процедуру опросов. Мы поняли, что если оденемя попроще, то объект расслабится в нашем присутствии быстрее. Я сразу понимал, что преступник выложит мне все, что я хочу знать, когда у него в глазах появлялся особенный огонек или он впадал в подобие транса, словно отделяясь от тела. Преступление – что он сотворил с другим человеком, как подчинил его своей власти и контролю – было самым значимым, эмоциональным и запоминающимся моментом его жизни. Проживая его заново, он снова погружался в те острые чувства и уводил меня за собой во тьму своего разума.

Я хотел понять, какие различия в индивидуальных чертах, преступной изощренности и мотивах привели к тому, что один человек стал, к примеру, грабителем, а второй – серийным убийцей.

Чем больше мы узнавали, тем лучше становились как исследователи. Мы обнаружили, например, что убийцы-параноики избегают контакта глаза в глаза. Убийцы «грандиозного» типа, как Мэнсон, стремятся доминировать, поэтому стараются расположиться выше (Мэнсон сидел на столе), чтобы обращаться к собеседнику сверху вниз. Некоторые просто ищут сочувствия. Как я говорил, надо сдерживать собственные эмоции и играть в их игру. Мы демонстрировали сопереживание людям, которые жаловались на то, что их жизнь пошла под откос, и проливали слезы – собственно, им просто было жаль, что их поймали. Это тоже многому нас научило.

Интервью выявили немало интересных и, на наш взгляд, показательных общих черт, которые прослеживались и при моем дальнейшем взаимодействии с опасными преступниками, когда я составлял их профили, помогал их ловить, допрашивать и судить. Моя теория заключалась в том, что начинать надо с выяснения базовых элементов, которые присутствуют у многих из них. Дальше надо понять, какие различия в индивидуальных чертах, преступной изощренности и *мотивах* привели к тому, что один человек стал, к примеру, грабителем, а второй – серийным убийцей. Но первым делом я постарался выяснить, что между ними общего: откуда они такие – в буквальном и переносном смысле.

Все они, на том или ином уровне, происходили из неблагоприятной среды. Иногда причины лежали на поверхности: физическое и/или сексуальное насилие; родители или опе-

куны – алкоголики; постоянные переезды из одной приемной семьи в другую. Из менее очевидного: отсутствие любви и уважения в семье, недостаточная дисциплина, неумение или нежелание ребенка вписываться в окружение. Родители Эда Кемпера, когда он был маленьким, постоянно ругались и дрались, пока не дошло до развода, после которого мать-алкоголичка издевалась над ним, заставляя подростком спать в запертом подвале – она объясняла это тем, что боится, как бы он не причинил вреда сестре. Дэвид Берковиц рос в приемной семье, и ему говорили, что его мать умерла, когда рожала его. Он привык винить себя в ее смерти. Когда позднее он узнал, что его мать и сестра живы, то поехал познакомиться с ними, но те не пустили его на порог. Он пришел в отчаяние и со временем превратился в серийного убийцу, которого мы знаем.

Когда позднее, в Академии ФБР, мы начали изучать бэкграунд других жестоких серийных преступников, то выяснили, что они в целом вписываются в модели, которые мы построили на основании наших тюремных интервью. Альберт де Сальво, «бостонский душитель» начала 1960-х, рос с отцом-алкоголиком, который от злости ломал его матери пальцы. Отец регулярно избивал и Альберта, и еще шестерых своих детей, приводил домой проституток. Джон Уэйн Гейси, чикагский строитель, который переодевался клоуном и ходил развлекать больных детей в госпитале, когда не насиловал и не убивал мальчиков и юношей – более тридца-

ти, – регулярно подвергался побоям и унижениям со стороны такого же пьющего отца. Эти примеры можно перечислять до бесконечности.

Почему один мальчик, вырастая, становится насильником и убийцей, другой – террористом или шантажистом, а третий, росший, казалось бы, в той же среде, законопослушным и достойным членом общества – загадка, которую мы постепенно попытаемся разгадать. Но нам удалось обнаружить, что помимо нестабильной, агрессивной или лишенной любви семейной среды, порождающей отсутствие самоуважения и уверенности в себе, большинство преступников на сексуальной почве объединял относительно высокий IQ – гораздо выше, чем у криминальной прослойки в целом.

Тюремные интервью выявили также значительную разницу между типами преступлений, которые внешне кажутся одинаковыми – вспомните о двух кражах, упомянутых в начале главы.

Вот еще один пример: изнасилования и убийства молодых девушек в нашем обществе случаются нередко, и насильник обычно является злобным и агрессивным психопатом. Однако я не могу согласиться с такой поверхностной оценкой. Она не говорит нам, *почему* он совершает преступление, и никак не поможет составить психологический профиль его личности. Поэтому давайте посмотрим на *бихейвиоральные подсказки*, оставляемые на месте преступления.

Во-первых: в каком состоянии было обнаружено тело?

Я не имею в виду степень разложения (хотя она тоже многое может сказать), а то, как убийца поступил с трупом. Если причина смерти – ножевые ранения, и они расположены кучно – мы называем это «чрезмерностью», – особенно в области лица, это говорит мне, что убийца, скорее всего, был знаком с жертвой и у преступления имелись личные причины. Это ведет нас к мотиву – к тому самому *почему*. Если тело завернуто в простыню или одеяло, то есть о нем позаботились после смерти, следует вывод, что убийца питал к жертве нежные чувства и, возможно, испытывал угрызения совести. С другой стороны, если тело изуродовано и/или оставлено на виду, например выброшено на обочине дороги, это говорит, что убийца презирал жертву, а может, и всех женщин вообще.

Нам удалось обнаружить, что помимо неблагоприятной семейной среды, порождающей отсутствие самоуважения и уверенности в себе, большинство преступников на сексуальной почве объединял относительно высокий IQ – гораздо выше, чем у криминальной прослойки в целом.

Откуда я все это знаю? Нет, профайлер – не провидец, просто преступники сами рассказали мне об этом. А после того как слышишь одни и те же истории несколько раз, *сам* можешь их рассказывать. Если жертву изнасилования и убийства оставили лежать на полу, прикрыв простыней, совершенно ясно, что это не попытка спрятать тело, по край-

ней мере, у здравомыслящего преступника. Это попытка вернуть ей человеческое достоинство или физически укрыть от глаз того, кого мучает совесть за преступление. И мне рассказали об этом убийцы, прикрывавшие тела своих жертв.

Один случай подтвердил нашу способность «предсказывать», о чем думает убийца. Я уволился из ФБР пару лет назад и находился на востоке, в одной из тюрем, где разговаривал с осужденным убийцей по просьбе совета по условно-досрочному освобождению. Совет хотел узнать мое мнение: стоит ли выпускать его за хорошее поведение. Насколько мне известно – и своим клиентам я открыто об этом говорю – вопрос совсем в другом: совершит ли он новое преступление, если окажется на свободе? Я провел с тем парнем много времени, чтобы подорвать его сопротивление, заставить говорить правду, чтобы выяснить, к моему собственному удовлетворению (а) осознает ли он, что в действительности совершил, и раскаивается ли; и (б) находит ли он по-прежнему эмоциональное удовлетворение в том, чтобы манипулировать другими людьми, доминировать над ними, контролировать их и решать, жить им или умереть. Все, что он говорил, укладывалось в паттерн, который я слышал множество раз от других мужчин в такой же ситуации – мужчин, чей образ мысли, преступления и мотивацию я изучал больше двух десятилетий. И поэтому, излагая свои соображения совету, я был вполне уверен в том, что они обоснованные. Когда люди, работающие в криминологической или су-

дебной психологии, говорят, что не могут предсказать, возьмется преступник за старое или нет, это означает, что они и правда этого не знают, потому что не проводили непосредственных исследований и не имеют соответствующего опыта. Я не утверждаю, что могу с уверенностью заключить, совершит ли конкретный субъект очередное убийство, если дать ему такую возможность, но совершенно точно могу указать совету на степень риска, который влечет его освобождение.

В ходе исследований мы выяснили, что большинство жестоких преступников объединяют два фактора. Один – это чувство собственного превосходства и величия: правила человеческого общества не для них, они слишком умны или талантливы, чтобы с низов пробиваться наверх или жить в соответствии с принятым укладом. Второй – столь же острое чувство своей несостоятельности, неспособность адаптироваться и страх в очередной раз оказаться неудачником. И поскольку первое чувство обычно лишает их желания учиться, работать, исполнять свой долг – называйте, как хотите, – они обычно не готовы ни к работе, ни к отношениям, которые приносят удовлетворение нормальным людям. И это лишь укрепляет их в статусе неудачника.

Главная мотивация большинства – если не всех – этих ребят, это стремление к власти и контролю, происходящее из детства, проведенного в среде, где они чувствовали себя беспомощными и лишенными контроля. И хотя у многих де-

тей, росших в подобной обстановке, наоборот, развиваются стратегии и навыки адаптации, те, у кого их нет, превращаются в злобных, раздражительных, жестоких взрослых и могут стать преступниками. Нельзя отрицать, что психологические травмы остаются у большинства людей, над которыми в детстве издевались. Но ребенок, который перенаправляет свое раздражение, боль и гнев, например на спорт, – становится популярным игроком школьной команды с целым альбомом газетных вырезок и фотографий, посвященных его достижениям, – вырастет куда более благополучным взрослым, чем тот, у кого не будет такой отдушины и кто попытается утишить свои негативные переживания, заставляя страдать других, например мучая животных, прежде чем перейти к взрослым преступлениям и куда более мрачным вырезкам в альбоме. Способность манипулировать, доминировать, контролировать жертву, решать, жить ей или умереть – и как, – на время устраняет ощущение собственной неполноценности, восстанавливая баланс. Он начинает чувствовать свое превосходство, и это кажется ему полностью оправданным. Иными словами, насилуя и убивая, он восстанавливает порядок в мире.

Вы наверняка заметили, что я все время говорю о мужчинах. По определению, это сексизм, но – тоже по определению – насильники всегда мужчины. И отдел бихейвиоральных наук ФБР и (даже в больше степени) Энн Берджесс с коллегами изучали женщин, выросших в схожей

неблагополучной среде, как и мужчины из наших тюремных интервью. Но по каким-то запутанным причинам, женщины не компенсируют свою фрустрацию и психологические травмы таким же агрессивным образом. Они могут причинять себе вред, прибегать к наркотикам или алкоголю, выбирать жестоких мужчин, которые будут «наказывать» их, как они привыкли, заниматься проституцией или совершать самоубийства. Они могут даже издеваться над собственными детьми. Но за крайне редким исключением они не становятся чудовищами, как мужчины, и не выплескивают свой эмоциональный или сексуальный гнев на незнакомых людей. Возможно, отчасти это объясняется «складом» мужского и женского мозга или доминированием эстрогена над тестостероном. Но женщины – не хищники и не насильники. Конечно, хотя наши рассуждения относительно мотивов относятся к мужчинам, чем лучше женщины понимают их мотивацию, тем лучше могут распознавать угрожающее поведение и справляться с ним.

Здесь я должен сделать замечание, красной нитью проходящее через всю мою карьеру и писательство. Практически у всех мужчин, которых мы опрашивали, имелись психические проблемы того или иного рода. С учетом того, что они натворили, проще всего сказать, что они сумасшедшие. Но сумасшедший – субъективная оценка. В юриспруденции у термина «сумасшествие» имеется специальное определение. С точки зрения людей, работающих в моем отделе со-

действия расследованиям в Куантико, ключевое слово тут – «выбор». За исключением очень небольшого числа по-настоящему сумасшедших (пребывающих в бреду) индивидуумов, эти люди выбирают, что им делать. Они могут фантазировать о том, как мучают женщин. Могут мечтать, как воплотят эти фантазии в жизнь. Но они не *вынуждены* вести себя подобным образом. Их никто не *заставляет*. Они выбирают поступать так, потому что это приносит им удовлетворение. Я искренне сочувствую всем, над кем в детстве издевались, сексуально домогались и растили без любви. Я понимаю, что у них могут возникать психологические проблемы. Но я не согласен, что в результате эти люди вынуждены охотиться за другими, причинять им боль или убивать – особенно детей и женщин. Мы можем спорить, насколько ответственны за то, кем *являемся*, но в подавляющем большинстве случаев мы совершенно точно ответственны за то, что мы *делаем*.

Так откуда же возникает жестокое поведение?

Переговорив с большим количеством серийных преступников, мы составили так называемую мотивационную модель убийцы на сексуальной почве, организованную в соответствии с различного рода влияниями, средовыми и психологическими, которые определяют дальнейший ход жизни этих мужчин и их превращение в насильников и убийц: факторами, которые обычно ложатся в основу *мотива* для жестоких преступлений. По каждому мы фиксировали, сколько

из опрошенных было подвержено воздействию этого фактора и какое поведение возникло у них в результате. Например, около 50 процентов – впечатляющая цифра! – из них упоминали, что впервые фантазировали об изнасиловании в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет. По одному этому факту можно сказать, насколько важно раннее вмешательство, если мы хотим не только спасти этих детей, но и, что еще более важно, защитить себя и наших близких от ужасов, которые те могут натворить, если не остановить их вовремя.

Многие дети демонстрируют черты, которые можно назвать антисоциальными, и большинство из них вырастает, как говорится, законопослушными гражданами. Мы в своих интервью искали *поведенческие паттерны*, которые можно увязать с преступлениями, совершенными нашими объектами. Так выяснилось, что мужчины, которых мы изучали, рано – обычно в детстве – начали понимать, что возможность манипулировать другими дает чувство контроля, которого им так не хватает в жизни.

Мужчины, которых мы изучали, в детстве начали понимать, что манипуляции другими дают чувство контроля, которого им не хватает. Затем подключается фантазия о том, как стать успешным, отомстить всем обидчикам. Сексуальные фантазии идут с ней рука об руку.

Следующая стадия, после этого осознания, – фантазия, и мы обнаружили, что она играет гигантскую роль в пони-

мании процессов развития будущего монстра. Сначала это фантазия о том, как он преодолеет свои нынешние проблемы: боль и неудачи. Она, естественно, включает в себя мысли о том, как стать успешным и отомстить всем, кто, по его мнению, издевался над ним, презирал или просто не выказывал достаточного уважения. Сексуальное вожеление идет с ней рука об руку. Мы совершенно точно установили, что в любых преступлениях на сексуальной почве фантазия предшествует реальным действиям. Поэтому если кто-то уже в двенадцать лет фантазирует об изнасиловании, можете представить, куда это с возрастом его заведет.

Вы, наверное, уже запомнили, что преступление может не выглядеть как совершенное на сексуальной почве, но все равно основываться на эротической фантазии. Поджоги и терроризм – в которых нет прямой увязки между нападающим и жертвой – являются тем не менее извращенным сексуальным проявлением. Дэвид Берковиц, выслеживавший любовников на улицах Нью-Йорка, который всегда искал парочки, запершиеся в машинах, и расстреливал их из своего полуавтоматического пистолета 44-го калибра, рассказывал мне, что по ночам, когда ему не попадались подходящие жертвы, мог возвращаться на места предыдущих преступлений и мастурбировать, вспоминая эротическое напряжение и чувство собственного всемогущества, охватывавшее его, когда он спускал курок своего «бульдога».

Сексуальные фантазии, о которых нам рассказывали наши

заключенные, могли быть разными, но в большинстве своем касались жестокости, садомазохизма, связывания и прочих сценариев с доминированием и контролем. Как ранний индикатор, 79 процентов мужчин в наших исследованиях упоминали о так называемой навязчивой мастурбации, 72 – об эпизодах вуайеризма, а 81 – о страстном увлечении порнографией.

При упоминании о порнографии неизбежно встает вопрос причины и следствия. Незадолго до казни в 1989 году во Флориде Тед Банди дал интервью, в котором обвинял в своих проблемах (то есть похищениях и убийствах красивых молоденьких девушек по всей стране, от Вашингтона до Флориды) раннее увлечение порнографией. Провоцирует ли доступ к порнографии, особенно жестокой, мужчину на совершение агрессивных сексуальных действий? Или же мужчина, заранее мотивированный, просто естественным образом склоняется к таким материалам? Четкого и доказанного ответа на этот вопрос нет, но я могу сделать некоторые обоснованные выводы, исходя из своего опыта и знакомства с жестокими преступниками.

Во-первых, думаю ли я, что *без порнографии* Тед Банди не стал бы серийным убийцей? Ответ однозначный – нет. Это всего лишь попытка переложить вину за свои преступления на кого-нибудь или что-нибудь еще. Банди делал то, что делал, потому что *хотел*; потому что это приносило ему удовлетворение и заставляло чувствовать себя лучше, чем

когда-либо в жизни. И я не придумываю – мы сделали свой вывод на основании множества интервью с ему подобными.

Поэтому я считаю, что порнография – даже самая жестокая, женоненавистническая, садомазохистская – не превратит нормального мужчину в сексуального хищника. Но мы обнаружили, что индивидуумы, склонные к подобно-го рода фантазиям, – те, кого мы опрашивали на интервью, – разжигали свои страсти такими порнографическими материалами и черпали из них некоторые свои идеи. Мы установили это сначала по интервью, а затем подтвердили, сравнив сценарии, к которым преступники прибегали, с материалами, которые они просматривали. Я не знаю таких мужчин, которые в юности не листали бы эротических журналов или не смотрели порнофильмов, но при этом меня окружают вполне законопослушные граждане – видимо, каким-то образом им удалось все-таки не поддаться влиянию. Старая поговорка гласит, что 90 процентов мужчин признаются, что мастурбируют, а остальные десять – лгут. Красным флагом должна являться навязчивая озабоченность, особенно в отсутствие прочих увлечений.

Далее, по словам тех, кого мы опросили, следуют попытки проиграть свою фантазию. Самые популярные способы здесь – мастурбация, вуайеризм, участие в порноиндустрии, но не фетишизм. Диагностический и статистический справочник психических расстройств, четвертое издание, или DSM-IV, Американской ассоциации психиатров гласит, что

фетишизм – это переживание сексуальных фантазий или осуществление сексуальных действий с неживыми предметами. И тут будущие убийцы вступают на опасную почву.

Фетишизм в психиатрических кругах считается разновидностью парафилии или расстройства сексуальной ориентации. Парафилий бывает множество – часть из них безобидны и являются, по сути, вопросом предпочтений, но часть может быть смертельной – это педофилия (сексуальные действия по отношению к детям) и сексуальный садизм. Большинство парафилий существует на всем протяжении истории человечества, и фетишизм не исключение. Пожалуй, самым популярным фетишем в современном обществе является женское нижнее белье.

72 процента наших опрошенных в свои юные годы имели некие фетиши. Здесь мы говорим о континууме – я бы сказал, что значительная часть нормального мужского населения Америки заводится при виде черных кружевных трусиков и (в определенном возрасте) черных чулок в сетку. По мнению экспертов-психиатров, в том числе моего друга и коллеги доктора Парка Дитца, увлечение чулками зависит от времени, обстоятельств и особых ассоциаций, возникающих на заре сексуальной жизни, и проходит с возрастом.

И снова тут важно помнить, что мы интервьюировали преступников в поисках общего паттерна их сексуального мышления и поведения. Иными словами, вопрос стоял так: фетиш заводит вас в конкретный момент или поглощает всю ва-

шу жизнь? И если фетиш с чулками в сетку вполне обычный, то футфетиш, например, встречается уже реже. Сам по себе он тоже вполне безобиден. Но если посмотреть на парня вроде Джерома Брудоса, упомянутого выше, который убивал женщин, отрезал им ноги, а потом обувал в туфли из своей коллекции, – начинаешь понимать, что у подобных фантазий могут быть по-настоящему психопатологические истоки. Различие между детскими фантазиями, подростковым увлечением женскими ножками и мотивацией Джерома Брудоса – вот ключевой момент, который мы будем изучать в этой книге.

Среди других поведенческих моделей и интересов опрошенных упоминались также эксгибиционизм, сексуальные домогательства по телефону и сексуальные контакты с животными. О них упоминало около 25 процентов мужчин. Преодевание в женскую одежду, проституция и фроттаж (получение удовлетворения путем трения о незнакомку в толпе) упомянуло от 10 до 20 процентов. И снова мы возвращаемся к континууму – ни одно из этих поведений само по себе ни о чем не говорит. Но они имеют значение в том смысле, что указывают нам на путь становления жестокого хищника и убийцы.

Помимо сексуальных действий и увлечений мы наблюдаем также внешние проявления необычных способов справиться со стрессорами. В отличие от более адаптированных мужчин – и практически всех женщин, которые, как мы от-

мечали, скорее интернализуют свои проблемы и фрустрации, – мужчина, вырастающий впоследствии преступником, постепенно становится агрессивным по отношению к окружающим. Он совершает антиобщественные действия: воровство, поджоги, может красть у родителей и других членов семьи, жестоко обращаться с животными и прогуливать школу. Вне зависимости от степени интеллекта, он может бросить учебу и употреблять наркотики и алкоголь, чтобы справляться со стрессом. Он действует импульсивно, не учитывая последствий своих поступков – ни для себя, ни для других. Постепенно у него возникает ощущение оторванности от своих близких и от общества в целом, которым он в дальнейшем будет оправдывать свои преступления.

Так какая же разница между парнишкой, обворовавшим мой гараж, и будущим чудовищем? Для некоторых подростков достаточно одного печального опыта, чтобы испугаться навсегда, а вот второй наш парень быстро понимает, что агрессивное поведение возбуждает его и приносит удовлетворение, оно доставляет удовольствие, и поэтому вместо стыда и угрызений совести за свои поступки он испытывает желание их повторить. Этот эффект называется «фильтром обратной связи». Он совершает все больше поступков, приносящих ощущение свободы и всевластия, избавляясь от того, что может ему препятствовать. Находит такие сферы и ситуации, где может доминировать над другими и контролировать их. И учится на собственном опыте, совершен-

ствуя свою технику, чтобы избежать наказания. Он узнает, как добиться успеха. А чем больше успех, тем теснее становится петля.

Вот почему фетиши и прочие парафилии, о которых упоминалось выше, постепенно становятся все более опасными. Субъект начинает понимать, что приносит ему удовольствие, и происходит эскалация. Подросток, начавший с вуайеризма, может перейти к краже вещей у женщин, за которыми подсматривает. Как только он привыкнет вламываться в дома и научиться скрываться безнаказанным, то переходит к изнасилованиям. Когда однажды он поймет, что жертва может его опознать, если он ничего не предпримет, то изнасилование превратится в убийство. А если потом он почувствует, что убийство доставляет ему еще более острое наслаждение, ощущение всевластия и удовлетворение, что оно означает новую степень контроля, то преступления продолжатся. Примерно так получилось у Джерома Брудоса.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что любой, кто подглядывает за соседками, заканчивает жизнь серийным убийцей. Но я говорю, что если изучить наиболее жестоких преступников, действовавших на сексуальной почве, то мы практически во всех случаях обнаружим эскалацию – от относительно безобидного начала.

Фетиши постепенно становятся все более опасными. Подросток, начавший с вуайеризма, может перейти к краже вещей у женщин. Как

только он научится скрываться, то переходит к изнасилованиям. Если он поймет, что жертва может его опознать, изнасилование превратится в убийство.

С какими же еще подсказками мы должны работать? Точно так же, как мы стараемся понять, почему взрослый преступник совершил то или иное правонарушение, нам следует разобраться в мотивах молодых, развивающихся антисоциальных личностей.

Существует три подростковых отклонения, которые вместе называют «триадой убийцы»: энурез (ночное мочеиспускание в постель) после детского возраста, поджигательство и жестокое обращение с животными и/или младшими детьми. Конечно, не каждый мальчик, демонстрирующий подобное поведение, обязательно вырастет убийцей, но сочетание всех трех встречалось в наших исследованиях настолько часто, что мы начали считать, что паттерн (но не случайные эпизоды) из двух должен заставить задуматься родителей и учителей.

Оценивать надо в комплексе. Если перед вами шести- или семилетний мальчишка, который регулярно поджигает муравьев у дорожки с помощью лупы, но растет в благополучной семье и не демонстрирует никаких других симптомов, достаточно будет просто родительского вмешательства. Если он регулярно писает в постель, но в остальном ведет себя нормально, то его следует отправить на осмотр к врачу, и ес-

ли тот скажет, что на физиологическом уровне все нормально, поработать с проблемой отдельно. Но если эти факторы наблюдаются вместе, он пристаёт к младшим детям, обижает и задирает их, если он агрессивен с братьями и сестрами или у него нет друзей, если он играет со спичками, а от муравьёв переходит к собакам и кошкам или хомякам, тут точно имеется проблема: перед вами зачатки социопатического поведения, которое само по себе не пройдёт. Вряд ли это «просто такой этап».

Учителя со своей стороны могут дополнить картину. Помимо травли и агрессивного поведения в школе, они упомянут, скорее всего, что он умен, но не усидчив. У него нет мотивации к учебе. На самом деле мотивация есть, просто она направлена не туда, куда учителям бы хотелось.

Когда я даю интервью или выступаю перед различными аудиториями по всей стране и упоминаю, что, по моему мнению, серийными убийцами не рождаются, а становятся, мне часто говорят, что некоторые дети – «прирожденные убийцы». Может быть, «дурное семя» все-таки существует? Может ли появиться на свет «исчадие зла»? Вопрос, скорее, из области теологии, а я плохо в ней подкован. На самом деле некоторые дети действительно с ранних лет проявляют большую степень агрессии, чем остальные, хуже контролируют свое поведение и проявляют антисоциальные черты. Это не означает, что они обязательно станут преступниками. Но наши исследования и работы ведущих психологов

по всему миру показывают, что если у ребенка имеется подобная предрасположенность, то, добавив к ней неблагополучную среду и никак не вмешиваясь, мы, скорее всего, получим взрослого, склонного к насилию. Возможно, это одна из причин, по которой из двух или более сыновей в одной семье только один становится преступником и нарушителем закона. Все трое растут в одинаковой обстановке, но один родился более уязвимым, чем другие.

Здесь я хочу остановиться и еще раз повторить то, что считаю очень, очень важным. Тот факт, что я могу объяснить какое-то поведение, не означает, что я его оправдываю. Мы можем понимать, по каким причинам человек стал преступником, но никто не принуждал его причинять другим людям боль. Неблагополучная среда, отсутствие любви или насилие в семье не означают, что человек не может сопротивляться подобным искушениям, и никто не появляется на свет настолько слабавольным, чтобы поддаваться каждому соблазну. В противном случае ловить преступников было бы проще простого – в то время как всех тех, за кем я охотился, поймать было очень нелегко. За три десятилетия службы я не помню ни единого правонарушителя, который так хотел бы совершить жестокое преступление, что сделал это в непосредственном присутствии офицера полиции. Это общепринятая аксиома, которую обычно называют «принцип офицера под боком».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.